

Тареев М. М. Идеология социализма // Богословский вестник 1918. Т. 1. № 1/2. С. 39–73 (2-я пагин.). (Начало.) Полная публикация: БВ 1918. № 3/5. С. 90–133 (3-я пагин.). БВ 1918. № 6/9. С. 197–242.



Идеология социализма.

Въ идеологию социализма входятъ: ученіе экономическое, ученіе историко-философское и ученіе о религіи и нравственности. Изъ этихъ частей социалистическаго міровоззрѣнія идеологию социализма преимущественно составляютъ ученіе историко-философское и ученіе о религіи и нравственности. Эти ученія марксизма нами здѣсь и обслѣдуются. Экономическое ученіе Маркса было разсмотрѣно въ Богосл. Вѣстн. за 1912 (въ отдѣльномъ изданіи: *Соціализмъ, вынукъ первый: Научный социализмъ; его экономическое ученіе*).

Теорія историческаго матеріализма. Историко-философское ученіе Маркса дано въ его пресловутой теоріи историческаго матеріализма, которая образуетъ основную предпосылку такъ называемаго научнаго социализма.

Изложеніе теоріи. Теорія историческаго матеріализма (*materialistische Geschichtsauffassung*) обнимаетъ двѣ идеи: идею преобладающаго значенія въ социальной жизни матеріальныхъ производительныхъ силъ и идею классовой борьбы, какъ главнаго фактора историческаго развитія.

Ни Марксъ, ни Энгельсъ не оставили полнаго и систематическаго раскрытія созданной ими теоріи. Мы имѣемъ отъ нихъ лишь отрывочныя мысли. Приведемъ важнѣйшія мѣста изъ ихъ сочиненій.

Наиболѣе выразительнымъ справедливо считается предисловіе Маркса къ его сочиненію *Zur Kritik der politischen Oekonomie*. „Въ общественномъ производствѣ своей жизни—пишетъ Марксъ—люди вступаютъ въ опредѣленныя, неизбѣжныя, отъ ихъ воли независимыя отношенія—производ-

ственные отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обуславливаетъ вообще социальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но, напротивъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. (Es ist nicht das Bewusstsein der Menschen, das ihr Sein, sondern umgekehrt ihr gesellschaftliches Sein, das ihr Bewusstsein bestimmt). На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, что служитъ лишь юридическимъ выраженіемъ ихъ, съ отношеніями собственности, среди которыхъ они до сихъ поръ двигались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія превращаются въ ихъ путы. Тогда наступаетъ эпоха социальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическихъ основъ преобразуется быстрѣе или медленнѣе вся громадная надстройка. (Mit der Veränderung der ökonomischen Grundsätze wälzt sich der ganze ungeheure Ueberbau langsamer oder rascher um). При разсмотрѣніи такихъ переворотовъ необходимо всегда различать между матеріальнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства, который можно констатировать съ естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, религіозными, художественными или философскими, говоря коротко, идеологическими формами, въ которыхъ люди сознаютъ этотъ конфликтъ и разрѣшаютъ его. Насколько нельзя судить объ индивидѣ по тому, что онъ самъ о себѣ мыслитъ, настолько же нельзя судить о такой эпохѣ переворота по ея сознанію; напротивъ, нужно это сознаніе объяснить изъ противорѣчій матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношеніями. Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она достаточно просторна, и новыя, болѣе высокія производ-

ственные отношенія не являются на ея мѣсто раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія въ нѣдрахъ стараго общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ всегда только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить, ибо, при ближайшемъ разсмотрѣніи, всегда окажется, что самая задача возникаетъ только тамъ, гдѣ матеріальныя условія ея разрѣшенія имѣются уже налицо или, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія ¹⁾. Въ крупныхъ очертаніяхъ можно отмѣтить, какъ послѣдовательныя эпохи экономическаго развитія общества, азіатскій, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства. Буржуазныя производственныя отношенія составляютъ послѣднюю антагонистическую форму общественнаго производственнаго процесса, антагонистическую не въ смыслѣ индивидуальнаго антагонизма, а въ смыслѣ антагонизма, который вырастаетъ изъ условій общественнаго существованія индивидовъ. Но развивающіяся въ нѣдрахъ буржуазнаго общества производительныя силы создаютъ въ то же время матеріальныя условія для разрѣшенія этого антагонизма. На этой общественной формации заканчивается поэтому доисторическая эпоха человѣческаго общества (*die Vorgeschichte der menschlichen Gesellschaft*)“.

Выразительны также слѣдующія мѣста изъ книги Маркса *Ницета философіи*. „Общественныя отношенія имѣютъ тѣснѣйшую связь съ состояніемъ производительныхъ силъ. Приобрѣтая новыя производительныя силы, люди измѣняютъ способъ производства, измѣняя же способъ производства, способъ добыванія средствъ къ жизни, они измѣняютъ всѣ свои общественныя отношенія. Ручная мельница создаетъ общество съ сюзереномъ, паровая же мельница — общество съ промышленнымъ капиталистомъ. Но тѣ же самые люди, которые устанавливаютъ свои общественныя отношенія въ соотвѣтствіи съ матеріальнымъ производствомъ, создаютъ также принципы, идеи и категоріи въ соотвѣтствіи со своими общественными отношеніями. Такимъ образомъ, эти идеи и категоріи столь же мало вѣчны, какъ и тѣ отношенія, выраженіемъ которыхъ онѣ служатъ. Онѣ являются *измѣнчивыми продуктами историческаго развитія*“. „Съ самаго

¹⁾ Ср. Гегеля *Phänomenologie*.

начала цивилизаціи въ основу производства былъ положенъ антагонизмъ caste, сословіи, классовъ, наконецъ, антагонизмъ накопленнаго и непосредственнаго труда. Безъ антагонизма нѣтъ прогресса: таковъ законъ, которому слѣдовала цивилизація до нашихъ дней. До настоящаго времени развитіе производительныхъ силъ совершалось благодаря этому антагонизму классовъ“.

Теорія историческаго материализма въ обѣихъ своихъ основныхъ идеяхъ ярко намѣчена уже въ *Коммунистическомъ манифестѣ*. „Вся исторія всякаго общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ... Характернымъ отличіемъ нашей эпохи, эры буржуазіи, является то, что антагонизмъ классовъ теперь упростился. Нынѣ общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два обширные вражескіе лагера, на два враждующіе класса—буржуазію и пролетаріатъ“. „Нужна ли большая мудрость, чтобы понять, что взгляды, понятія и идеи, словомъ сознание людей измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ ихъ общественныхъ отношеній, ихъ общественнаго бытія? Чему же учить вся исторія мысли, какъ не тому, что интеллектуальное производство претерпѣваетъ измѣненія параллельно съ измѣненіями производства матеріальнаго. Господствующими идеями данной эпохи всегда были идеи господствующаго класса. Когда говорятъ объ идеяхъ, революціонизирующихъ все общество, то этимъ указываютъ только на тотъ фактъ, что въ нѣдрахъ стараго общества уже образовались элементы новаго, и что разложеніе старыхъ идей совершается параллельно съ разложеніемъ старыхъ общественныхъ отношеній. Когда древній міръ склонился къ упадку, старыя религіи были побѣждены христіанствомъ; когда христіанскія идеи уступили въ XVIII вѣкѣ мѣсто идеямъ просвѣтительной философіи, феодальное общество давало послѣднюю битву революціонной буржуазіи. Идеи революціонной свободы и свободы совѣсти только провозглашали господство свободной конкуренціи въ области знанія“. Далѣе формулируется возможное возраженіе. „Разумѣется,—скажутъ намъ — религіозныя, моральныя, философскія, политическія и юридическія понятія измѣнялись въ ходѣ историческаго развитія, но религія, мораль, философія всегда сохранялись, несмотря на всѣ эти измѣненія. Затѣмъ, существуютъ вѣчныя истины, какъ-то:

свобода, справедливость и пр., присущія людямъ при всякомъ социальномъ строеѣ. А коммунизмъ уничтожаетъ вѣчныя истины; онъ уничтожаетъ религію и нравственность, вмѣсто того, чтобы возродить ихъ на новомъ основаніи, что противорѣчитьъ всему опыту предшествующаго историческаго развитія“. Это возраженіе въ глазахъ авторовъ теоріи историческаго матеріализма не имѣетъ силы. „Исторія всякаго общества сводится къ развитію антагонизма классовъ, антагонизма, принимавшаго въ разныя эпохи разныя формы. Но какова бы ни была форма, которую принималъ этотъ антагонизмъ,—эксплуатація одной части общества другою является фактомъ, общимъ всѣмъ предшествующимъ вѣкамъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что общественное сознаніе, несмотря на всѣ свои различія и многообразія, всегда вращалось въ извѣстныхъ общихъ формахъ; эти формы сознанія исчезнутъ окончательно только съ полнымъ исчезновеніемъ антагонизма классовъ. Коллективистическое преобразование означаетъ самый радикальный разрывъ съ традиционными имущественными отношеніями, и неудивительно, что, въ ходѣ своего развитія, оно самымъ рѣшительнымъ образомъ порываетъ со старыми традиционными идеями“.

Книга Энгельса *H. E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft* написана съ прямою цѣлью оправдать основныя начала марксизма. Здѣсь авторъ въ слѣдующихъ словахъ формулируетъ теорію историческаго матеріализма. „Материалистическій взглядъ на исторію (*die materialistische Anschauung der Geschichte*) исходитъ изъ того тезиса, что производство, а наряду съ производствомъ и обмѣнъ его продуктовъ—составляютъ основу всякаго общественнаго строя (*die Grundlage aller Gesellschaftsordnung*), что въ каждомъ выступающемъ на историческую арену обществѣ раздѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и социальное расчлененіе на классы и сословія происходитъ соотвѣтственно тому, что и какъ производится и какъ производимое обмѣнивается (распредѣляется). Вслѣдствіе этого, основныхъ причинъ всякихъ общественныхъ измѣненій и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ ихъ возрастающемъ разумѣніи вѣчной правды и справедливости, а въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна; ихъ нужно

искать не въ *философiи*, а въ экономикѣ данной эпохи (sie sind zu suchen nicht in der *Philosophie*, sondern in der *Oekonomie* der betreffenden Epoche). Возникшее разумѣніе того, что существующія общественныя учрежденія неразумны и несправедливы, что бывшее нѣкогда разумнымъ стало бессмысленнымъ и бывшее благодѣтельнымъ обратилось въ мученіе, является лишь признакомъ того, что въ способахъ производства и въ формахъ обмѣна произошли незамѣтно такіа измѣненія, которымъ уже не соотвѣтствуетъ основанный на старыхъ экономическихъ условіяхъ общественный строй. Тѣмъ самымъ сказано, что средства для устраненія обнаружившихся нестроеній должны, въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ, также быть на лицо въ самыхъ измѣнившихся производственныхъ отношеніяхъ. Эти средства нѣтъ нужды *выдумывать* изъ головы, ихъ нужно *открыть* посредствомъ головы въ наличныхъ матеріальныхъ фактахъ производства“. И далѣе: „Новые факты вынудили заново пересмотрѣть всю прежнюю исторію, причемъ обнаружилось, что *вся* прежняя исторія была исторіей борьбы классовъ, что эти враждебныя между собою общественныя классы всегда являются продуктами опредѣленныхъ отношеній производства и обмѣна, однимъ словомъ, *экономическихъ* отношеній своей эпохи, что, слѣдовательно, та или иная экономическая структура общества образуетъ реальную основу, изъ которой, въ послѣднемъ счетѣ, должна быть объяснена вся надстройка правовыхъ и политическихъ учрежденій, равно какъ религіозныхъ, философскихъ и иныхъ идей (der religiösen, philosophischen und sonstigen Vorstellungsweise) каждаго историческаго періода. Тѣмъ самымъ идеализмъ былъ изгнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища, изъ исторической науки (aus der *Geschichtsauffassung*), было обосновано матеріалистическое пониманіе исторіи (eine *materialistische Geschichtsauffassung*) и былъ проложенъ путь къ объясненію сознанія людей изъ ихъ бытія, вмѣсто того, чтобы, какъ это было доселѣ, объяснять ихъ бытіе изъ ихъ сознанія“.

Еще Энгельсъ высказывается по вопросу объ историческомъ матеріализмѣ въ книгѣ о *Л. Фейербахѣ*. „Несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, въ новѣйшей исторіи, *экономическое* освобожденіе было центромъ, вокругъ котораго вращалась всякая борьба классовъ и всѣ освободительныя движенія,

неизбѣжно принимающія политическую форму, такъ какъ всякая классовая борьба есть борьба политическая. Несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, въ новѣйшей исторіи государство, политическій строй, является подчиненнымъ, а гражданское общество, царство экономическихъ отношеній, главнымъ элементомъ... Все, что побуждаетъ къ дѣятельности отдѣльнаго человѣка, неизбѣжно проходить черезъ его голову, воздѣйствуя на его волю. Точно также и всѣ потребности гражданского общества—независимо отъ того, какой классъ господствуетъ въ данное время,—необходимо должны пройти черезъ волю государства, чтобы добиться законодательнаго признанія. Это формальная сторона дѣла, которая сама собою разумѣется. Но спрашивается, каково же содержаніе формальной воли—все равно, отдѣльнаго лица, или цѣлаго государства,—откуда оно берется, и почему воля направляется именно въ ту, а не въ другую сторону? Ища отвѣта на этотъ вопросъ, мы находимъ, что въ новѣйшей исторіи государственная воля опредѣлялась измѣняющимися потребностями гражданского общества, преобладаніемъ того или другого класса, а въ послѣднемъ счетѣ—развитіемъ производительныхъ силъ и условій обмѣна. Но если даже въ наше, въ новѣйшее время, съ его могучими средствами производства и сообщенія, государство не составляетъ самостоятельной области и не развивается самостоятельно, но и въ существованіи и въ развитіи своемъ зависитъ, въ концѣ концовъ, отъ экономическихъ условій общественной жизни, то тѣмъ несомнѣннѣе это по отношенію къ прежнимъ временамъ, когда еще не было такихъ богатыхъ вспомогательныхъ средствъ для производства матеріальной жизни людей, и когда, слѣдовательно, это производство необходимо должно было имѣть на человѣчество гораздо болѣе сильное вліяніе. Если даже теперь, въ эпоху крушной промышленности и желѣзныхъ дорогъ, государство, говоря вообще, есть лишь болѣе или менѣе сложное отраженіе (*der Reflex*) экономическихъ нуждъ класса, господствующаго въ области производства, то еще неизбѣжнѣе была для него такая роль въ то время, когда всякое данное поколѣніе людей должно было тратить гораздо большую часть приходящагося на его жизнь времени для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей, и когда оно, слѣдовательно, зависѣло

отъ нихъ гораздо больше, чѣмъ зависимъ мы теперь... Государство и государственное право опредѣляются экономическими отношеніями. Само собою понятно, что то же приходится сказать и о гражданскомъ правѣ, роль котораго въ сущности сводится къ законодательному освященію существующихъ при данныхъ обстоятельствахъ нормальныхъ экономическихъ отношеній между отдѣльными лицами... Государство является первой идеологической силой, подчиняющей себѣ людей. Общество создаетъ органъ для защиты своихъ интересовъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ нападений. Этотъ органъ есть государственная власть. Едва возникнувъ, она старается стать въ независимое отношеніе къ обществу и тѣмъ болѣе успѣваетъ въ этомъ, чѣмъ болѣе она является органомъ одного какого-нибудь класса и чѣмъ болѣе она поддерживаетъ господство этого класса. Борьба угнетеннаго класса противъ класса угнетающаго неизбежно становится прежде всего политической борьбой, борьбой противъ политическаго господства угнетателей. Сознаніе связи этой политической борьбы съ ея экономической основой ослабѣваетъ, а иногда и пропадаетъ совсѣмъ... Но сдѣлавшись силой, независимой отъ общества, государство немедленно порождаетъ новую идеологію. У политиковъ по профессіи, у теоретиковъ государственнаго права, у юристовъ, занимающихся гражданскимъ правомъ, экономическія отношенія совсѣмъ исчезаютъ изъ виду... Идеологіи еще болѣе возвышенія, т. е. еще болѣе удаляющіяся отъ экономической основы, принимаютъ форму философіи и религіи. Здѣсь связь представленій съ матеріальными условіями человѣческой жизни еще болѣе запутывается, еще болѣе затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существуетъ". . .

Теорія историческаго матеріализма представляетъ собою, можетъ быть, единственное въ мірѣ ученіе по сочетанію въ немъ крайностей. Въ ней зерно истины сопряжено съ бездною лжи. Она совершенно неразвита въ своей основной сущности, и осложнена множествомъ второстепенныхъ ученій. Она нисколько не служитъ той цѣли, для которой она выработана. обоснованію социализма, и, напротивъ, попутно она освѣщаетъ тысячи предметовъ, въ томъ, что пренебрежено

въ ней, имѣть силу. Ее можно опровергнуть, всю до основанія, въ двухъ словахъ, въ нее можно вложить великій смыслъ. Послѣ легко достигаемаго пораженія, она снова торжествуетъ какъ нетронутая; а что въ ней есть истиннаго, то противорѣчить дѣлямъ, для которыхъ она воздвигнута. Кто относится къ ней съ пренебреженіемъ, тотъ содѣйствуетъ злоупотреблявшимъ ею; кто отыскиваетъ въ ней истину, тотъ оказывается ихъ врагомъ. Она намалевана не кистью, а помазкомъ, который размазываетъ краску съ нарушеніемъ линій, съ затушевываніемъ основного чертежа, представляющаго всю цѣнность; ея творцы мечутся, какъ бѣлка въ колесѣ, постоянно перескакиваютъ отъ одной крайности въ другую, какъ будто все стараніе прилагаютъ къ тому, чтобы отвести читателю глаза отъ основного рисунка.

При такихъ условіяхъ лучшей критикой теоріи историческаго матеріализма является ея анализъ, непрерывное возстановленіе ея подлинныхъ границъ, воздержаніе отъ поспѣшныхъ побѣдъ надъ нею, снесеніе ея во всѣхъ пунктахъ съ пограничными областями науки и философіи, упорное отысканіе самой прочной позиціи, съ которой она преодолевается.

Анализъ теоріи историческаго матеріализма. Идея преобладающаго значенія въ соціальной жизни матеріальныхъ производительныхъ силъ.

Мы привели изъ сочиненій основателей научнаго социализма, Маркса и Энгельса, важнѣйшія мѣста, въ которыхъ раскрывается теорія историческаго матеріализма. Уже не разъ ставилось на видъ, что основныя понятія этой теоріи и, прежде всего, понятіе производительныхъ силъ и понятіе класса—нигдѣ у Маркса и Энгельса не выясняются систематически. Даже термины эти ими употребляются неустойчиво и непослѣдовательно. Тѣмъ не менѣе общій смыслъ матеріалистической теоріи общества можно установить съ достаточною опредѣленностью. Говоря словами Дингена, эта теорія состоитъ въ томъ, что „экономика служитъ базисомъ всякой духовной подстройки“. Проф. Туганъ-Барановскій даетъ слѣдующее опредѣленіе теоріи историческаго матеріализма: „Таинственныя матеріальныя производительныя силы, господствующія, по мнѣнію Маркса, надъ жизнью общества, суть не что иное, какъ совокупность матеріальныхъ факто-

ровъ, матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. Въ понятіе производительныхъ силъ входитъ не все то, что такъ или иначе вліяетъ на хозяйство, но лишь часть этого болѣе широкаго понятія, именно вещественныя, матеріальныя условія этого хозяйства. Именно поэтому Энгельсъ имѣлъ полное право назвать данную теорію матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи“.

Историческій матеріализмъ есть монистическая теорія общества, и, именно, матеріалистическая: моно-материалистическая теорія социальнo-исторической жизни. Въ ней всѣ явленія социальнo-исторической жизни объясняются изъ одного—материальнаго начала. О матеріалистической основѣ социальнo-историческаго развитія и духовной жизни человѣчества Марксъ училъ не первый. И не то разумѣемъ, что Марксъ во многомъ обязанъ своему ближайшему предшественнику С. Симону: были иныя попытки матеріалистическаго истолкованія исторіи. Дж. Вико (*Principii di una scienza nuova d'intorno alle commune nature delle nazioni* 1725), котораго Марксъ вспоминаетъ въ *Kanumalъ*, Монтескье (*De l'esprit des lois* 1749) и Гердеръ (*Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit* 1784—1787) высказывали мысль о зависимости духовной исторіи человѣчества отъ физико-географическихъ условій существованія. Нужно назвать нѣкоторыя изъ раннихъ статей Канта (*Ideen zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht* 1784, *Rezensionen von I. G. Herders Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit* 1785, *Mutmasslicher Anfang der Menschengeschichte* 1786, *Ueber den Gebrauch teleologischer Principien in der Philosophie* 1788), а болѣе всего—сочиненіе Бокля *History of civilisation in England* 1857, въ которомъ человѣческая исторія объясняется вліяніями климата, пищи, почвы и впечатлѣній природы. Позднѣе на этотъ путь объясненія социальнo-исторической жизни сталъ Ратцель (*Anthropogeographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte* 1882—1891). Столь же и даже еще болѣе рѣшительно отвергая историческую роль идеологическихъ факторовъ, Марксъ, въ отличіе къ несомнѣнной выгодѣ своей теоріи—отъ этихъ представителей матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, ставитъ историческое развитіе въ зависимость не непосредственно отъ физико-географическихъ условій жизни, а отъ посредствующей между

физическимъ міромъ и человѣческимъ духомъ (идеологіей) социальнo-экономической средой: онъ объясняетъ общественный строй и историческое развитіе производствомъ и распределеніемъ продуктовъ. Не что, а какъ матеріальной жизни полагаютъ Марксъ и Энгельсъ въ основу человѣческаго общества. „Экономическія эпохи, по словамъ Маркса въ *Капиталь*, отличаются одна отъ другой не тѣмъ, что дѣлалось въ теченіе этихъ эпохъ, но тѣмъ, какимъ образомъ это дѣлалось, при помощи какихъ орудій труда достигалась въ разное время та или другая цѣль ¹⁾. Орудія труда представляютъ собою не только мѣрило развитія человѣческой рабочей силы, но также и указатель общественныхъ отношеній, подъ господствомъ которыхъ выполняется трудъ ²⁾... Технологія разоблачаетъ активное отношеніе человѣка къ природѣ, непосредственный процессъ производства, которымъ онъ поддерживаетъ свое существованіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и способъ формировація его общественныхъ отношеній и

¹⁾ „Какъ ни мало писанная исторія до настоящаго времени обращаетъ вниманія на развитіе вещественнаго производства, которое составляетъ основу всей общественной жизни, тѣмъ не менѣе доисторическое время подраздѣляется не по такъ называемому историческому наблюдению, а согласно естественно-научнымъ приемамъ изслѣдованія: именно его подраздѣляютъ по тому матеріалу, изъ котораго были сдѣланы орудія труда и оружіе, на каменный, бронзовый и желѣзный вѣка“.

²⁾ „Между самыми орудіями труда наибольшее значеніе для характеристики общественныхъ эпохъ производства представляютъ механическія орудія труда, которыя, ваятыя въ дѣломъ, могутъ быть названы скелетомъ и мускульною системою производства: они имѣютъ въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе важности, чѣмъ тѣ орудія труда, которыя служатъ лишь приемами и хранилищами для предметовъ труда и которыя, разсматриваемыя въ дѣломъ, могутъ быть названы сосудистою системою производства, какъ напримѣръ трубы, бочки, корзины, горшки и проч. И только въ химической фабрикаціи они начинаютъ играть болѣе значительную роль“. Но „въ болѣе широкомъ смыслѣ процессъ труда включаетъ въ число своихъ орудій не только тѣ вещи, посредствомъ которыхъ трудъ дѣйствуетъ на свой предметъ и которыя, поэтому тѣмъ или другимъ образомъ, служатъ проводниками человѣческой дѣятельности, но также и всѣ матеріальныя условія, требующіяся вообще для того, чтобы весь процессъ могъ совершаться какъ слѣдуетъ. Они не входятъ непосредственно въ процессъ труда, но безъ существованія этихъ условій процессъ труда или не можетъ совершаться совсѣмъ, или можетъ происходить лишь несовершеннымъ образомъ. Общее орудіе труда такого рода представляетъ сама земля“.

вытекающихъ изъ нихъ умственныхъ представленій. Даже всякая исторія религіи, не обращающая достаточнаго вниманія на этотъ матеріальный базисъ, лишена критическаго отношенія. Конечно, гораздо легче отыскать земное начало посредствомъ анализа религіозныхъ туманныхъ представленій, чѣмъ слѣдовать обратному пути, т. е. изъ дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній, существующихъ въ томъ или другомъ случаѣ, развитъ соответствующія имъ небесныя формы. Послѣдній методъ есть единственный материалистическій, а потому—единственный научный методъ“ 1).

Имѣя въ виду эту черту историческаго материализма, Бардъ находитъ данное Энгельсомъ взгляду Маркса на исторію человѣчества названіе „материалистическое пониманіе исторіи“ неудачнымъ терминомъ, который не выражаетъ специфической сущности этого взгляда. „Вѣдь всякая неидеологическая теорія материалистична, если она считаетъ матеріальные, чувственные элементы болѣе могущественными, чѣмъ все остальное. Съ такимъ же правомъ можно назвать материалистическимъ пониманіемъ и антропо-географическое, и этнологическое, и культурно-историческое пониманіе исторіи. Взгляды Маркса и Энгельса прямо можно

1) Ср. Дж. Гатти *Аграрный вопросъ и социализмъ*: „Общественное благо или общественное зло“ не зависятъ „отъ воли людей“. „Чтобы все экономическое благополучіе и будущій духовный прогрессъ поставить въ зависимость отъ воли людей, для этого нужно разсматривать только *дѣятелей*, а не тѣ силы, которыя заставляютъ ихъ дѣйствовать. Этими силами являются: съ *экономической* точки зрѣнія—неудержимыя теченія интересовъ, которые толкаютъ извѣстные классы или социальныя категоріи въ извѣстныхъ направленіяхъ и которые роковымъ образомъ сталкиваются съ противоположными теченіями интересовъ, съ *биологической* точки зрѣнія—всемогущественное вліяніе климата и расы на природу индивидуальныхъ силъ и на ихъ спеціализацію“. Впрочемъ это вліяніе—постоянное, и оно не можетъ объяснять измѣненій въ исторіи хозяйства. „Технический прогрессъ въ настоящее время является главной силой, вызывающей преобразование экономической среды, на которой выстраивается социальная, политическая и административная система, а также интеллектуальная жизнь. Эволюція орудій труда, безпрестанно вызывая въ экономической средѣ измѣненія, необходимыя для примѣненія его, создаетъ новыя теченія интересовъ и, слѣдовательно, новыя отношенія внутри различныхъ социальныхъ классовъ и между этими классами. Этимъ путемъ оно, мало-по-малу, трансформируетъ жизнь политическую, административную и интеллектуальную, все общество“.

подвести подъ понятіе экономическаго пониманія, а чтобы отличить ихъ отъ другихъ подраздѣленій того же направленія, ихъ слѣдуетъ обозначить технико-экономическимъ пониманіемъ исторіи“. По выраженію Крауза, историческіи матеріализмъ это—моно-экономическая социологія. Очевидно, терминъ „материалистическое“ (пониманіе исторіи) обозначаетъ родовое понятіе, а „моно-экономическое“, или технико-экономическое—видовое, и марксизмъ можно назвать материалистическо-экономическою теоріей общества.

Съ перваго взгляда, въ своемъ общемъ видѣ, теорія историческаго матеріализма можетъ представляться, во-первыхъ, чрезвычайно ужасной, радикально отрицательной, и во-вторыхъ—поразительно несостоятельной, осязательно бессмысленной.

Ужасный радикализмъ этой теоріи бросается въ глаза: она объявляетъ всю идеологію—правовое сознаніе, политическій строй, нравственность, религію, философію и даже науку—надстройкой надъ экономическимъ базисомъ, субъективнымъ рефлексомъ экономическихъ отношеній, экономическаго развитія, т. е. объявляетъ всю идеологію областью не имѣющей объективной цѣнности, условною, относительною, измѣнчивою, зависимою. Сметается съ лица земли вся духовная сфера, отвергаются всякія духовныя цѣнности.

Не менѣе очевидной кажется и несостоятельность такого радикальнаго отрицанія. Вся идеологія, включая сюда науку, есть надстройка надъ экономическимъ базисомъ. Не только философія, богословіе, этика, юриспруденція, даже самая основная, съ точки зрѣнія марксизма, наука—политическая экономія—есть продуктъ историческаго движенія, тѣнь объективнаго развитія, какъ это Марксъ разъясняетъ въ *Mesère de la philosophie*. Вся политическая экономія распадается на школы: основныя школы—фаталистическая, школа экономистовъ, и школа социалистическая и коммунистическая. Первая это политическая экономія буржуазіи. Въ ней есть классики и романтики. Классики, Адамъ Смитъ, Рикардо, являются представителями той буржуазіи, которая еще не успѣла закончить борьбы противъ остатковъ феодальныхъ общественныхъ отношеній и стремится лишь къ очищенію экономиче-

скихъ отношеній отъ феодальнаго налета и къ умноженію производительныхъ силъ. Романтики появляются въ нашу эпоху, когда буржуазія и пролетаріатъ становятся въ прямую оппозицію другъ къ другу, а нищета создается въ такомъ же изобиліи, какъ и богатство. Экономисты превращаются въ это время въ безчувственныхъ фаталистовъ, бросающихъ гордые взгляды на человѣка-машину, фабрикующаго богатства. Гуманитарная школа принимаетъ близко къ сердцу дурную сторону существующихъ производственныхъ отношеній и старается, для успокоенія совѣсти, нѣсколько смягчить реальные контрасты. Филантропическая школа есть усовершенствованная гуманитарная. Какъ всѣ экономисты являются научными представителями класса буржуазіи, такъ социалисты и коммунисты являются теоретиками класса пролетаріата...

Если такъ, то мы въ теоріи историческаго матеріализма имѣемъ предъ собою абсолютный скептицизмъ, которымъ подрывается значеніе самой теоріи. „Поразительно,—воскликаетъ Штаммлеръ,—какъ матеріалистическое пониманіе исторіи могло просмотрѣть, что устанавливаемая имъ безусловная зависимость всѣхъ психическихъ формъ выраженія человѣческой жизни отъ способа общественнаго производства сама по себѣ уничтожаетъ объективную значимость науки, а слѣдовательно, и самое себя“. Эту слабую сторону историческаго матеріализма отмѣчаютъ и другіе критики ¹⁾ ²⁾.

Теорія историческаго матеріализма все отрицаетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сама себя подрываетъ. Но имѣетъ ли она право все отрицать ³⁾, и является ли для нея неизбѣжнымъ само-

¹⁾ Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus: Ist der ökonomische Materialismus richtig, dann ist er ebendeswegen falsch.*

²⁾ Эта слабая сторона свойственна вообще односторонне историческому построению политической экономіи, на что указалъ Кнись въ *Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte: Im Gegensatz zu dem Absolutismus der Theorie beruht die historische Auffassung der politischen Oekonomie auf dem Grundsatz, dass wie die wirtschaftlichen Lebenszustände, so auch die Theorie der politischen Oekonomie, in welcher Form und Gestalt, mit welchen Argumenten und Resultaten wir sie auch finden, ein Ergebnis der geschichtlichen Entwicklung ist etc.*

³⁾ Этотъ вопросъ должна бы поставить и апологетика, если она не хочетъ быть близорукой, какою она обычно и оказывается, ограничиваясь защитой объективнаго значенія религіи, нравственности, права.

уничтоженіе? Большая разница, высказывается ли отрицаніе как простое убѣжденіе или же оно опирается на извѣстныя основанія. Лишь въ послѣднемъ случаѣ съ нимъ обязана считаться наука.

Крайнюю форму отрицанія теорія историческаго матеріализма принимаетъ, прежде всего, вслѣдствіе союза ея съ философскимъ матеріализмомъ, и на насъ лежитъ задача разсмотрѣть, насколько этотъ союзъ проченъ.

Матеріализмъ историческій и матеріализмъ философскій. Въ центральной своей части марксизмъ представляетъ собою матеріалистическо-экономическую теорію общества. Но, будто, въ своемъ полномъ видѣ онъ даетъ систему цѣлой философіи: рѣшаетъ вопросы объ отношеніи мышленія къ бытію, о происхожденіи знанія и проблему реальности. Всѣ эти вопросы марксизмъ рѣшаетъ матеріалистически, такъ что онъ является не только социальнымъ матеріализмомъ (какъ его называетъ Штаммлеръ), но и матеріализмомъ философскимъ—гносеологическимъ и метафизическимъ.

Общимъ ходомъ философскаго развитія Маркса и Энгельса былъ ихъ путь отъ гегелевскаго идеализма чрезъ Фейербаха къ матеріализму, какъ объ этомъ говоритъ, движимый „долгомъ чести“ по отношенію къ Фейербаху, Энгельсъ въ посвященной послѣднему книгѣ *Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie*. „Фейербахъ провозгласилъ торжество матеріализма. Природа существуетъ независимо отъ какой бы то ни было философіи: она есть основаніе, на которомъ вырастаемъ мы—люди, будучи сами произведеніемъ природы. Въ природы и человѣка не существуетъ ничего: высшія существа, созданія нашей религіозной фантазіи, суть лишь фантастическія отраженія нашей собственной сущности... Вещественный, чувственно воспринимаемый міръ, къ которому принадлежимъ мы сами, есть единственная дѣйствительность; наше сознаніе и мышленіе, какъ бы ни казалось оно сверхчувственнымъ, суть порожденіе вещественнаго, тѣлеснаго органа, мозга. Не матерія есть порожденіе духа, но самъ духъ есть высшій продуктъ матеріи (*die Materie ist nicht die Erzeugniss des Geistes, sondern der Geist ist selbst das höchste Produkt der Materie*)“. Марксъ и Энгельсъ усвоили матеріализмъ Фейербаха, и въ матеріалистическомъ направленіи Энгельсъ рѣшаетъ „великій основ-

ной вопросъ всякой и особенно новой философіи — вопросъ объ отношеніи мышленія и бытія“. Они говорятъ на традиціонномъ метафизическомъ языкѣ гносеологической теоріи отображенія (die Bildertheorie) ¹⁾. „Какъ относятся наши мысли объ окружающемъ насъ мірѣ къ самому этому міру? Въ состояніи ли наше мышленіе познать дѣйствительный міръ, можемъ ли мы въ нашихъ представленіяхъ и понятіяхъ о дѣйствительномъ мірѣ породить правильное отраженіе дѣйствительности? На философскомъ языкѣ этотъ вопросъ называется вопросомъ о тождествѣ мышленія и бытія“. Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ идеалистической философіи не удовлетворяетъ продолжателей Фейербаха, но они не возвращаются и къ „скептицизму“ Юма и Канта. „Самыя рѣшительныя возраженія противъ ихъ взгляда, какія только можно было сдѣлать съ идеалистической точки зрѣнія, сдѣлалъ Гегель; присоединенныя сюда Фейербахомъ матеріалистическія возраженія болѣе остроумны, чѣмъ глубокомысленны. Самое рѣшительное опроверженіе этихъ, какъ и всякихъ иныхъ философскихъ измышленій, представляетъ практика, т. е. опытъ и индустрія. Если мы правильность нашего пониманія какого-либо явленія природы можемъ доказать тѣмъ, что воспроизводимъ его сами, порожаемъ его изъ его условій и заставляемъ его служить нашимъ цѣлямъ, то приходитъ конецъ невразумительной идеѣ Канта о „вещи въ себѣ“ (Ding an sich)“. Въ *H. E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft* Энгельсъ излагаетъ теорію матеріалистическаго происхожденія сознанія и мышленія, матеріалистическую онтологію. „Если спросить, что такое мышленіе и сознаніе и какъ они происходятъ, то найдемъ, что они суть продукты человѣческаго мозга и что самъ человѣкъ есть продуктъ природы, который развивается въ опредѣленной средѣ и вмѣстѣ съ нею, изъ чего само собою явствуетъ, что произведенія человѣческаго мозга, которыя вѣдь въ послѣдней инстанціи сами суть продуктъ природы, не противорѣчатъ остальному составу природы, а соответствуютъ ему“. Истинное бытіе принадле-

¹⁾ См. В. Erdmann *Die philosophischen Voraussetzungen der materialistischen Geschichtsauffassung* въ *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im D. R.* von G. Schmoller (1907 Н. 3).

жить матеріи и ея движеніямъ. „Дѣйствительное единство міра состоитъ въ его матеріальности... Основныя формы всякаго бытія суть пространство и время, и бытіе внѣ времени представляетъ столь же великій абсурдъ, какъ и бытіе внѣ пространства... Движеніе есть форма существованія матеріи. Никогда и нигдѣ не было и не могло быть матеріи безъ движенія... Жизнь есть форма существованія бѣлковыхъ тѣлъ, и эта форма существованія въ дѣйствительности состоитъ въ постоянномъ самообновленіи химическихъ составныхъ частей этихъ тѣлъ“ ¹⁾. Сознаніе, которое отражаетъ дѣйствительность, есть не что иное, какъ отраженіе матеріальной дѣйствительности. „Вернувшись къ материалистической точкѣ зрѣнія, мы увидали въ человѣческихъ понятіяхъ отображенія дѣйствительныхъ вещей, вмѣсто того, чтобы въ дѣйствительныхъ вещахъ видѣть отображенія той или другой ступени абсолютнаго понятія. Діалектика сводилась этимъ къ наукѣ объ общихъ законахъ движенія во внѣшнемъ мірѣ и въ человѣческой мысли — два ряда законовъ, которые въ сущности тождественны, а по видимости различны, такъ какъ человѣческая голова можетъ примѣнять ихъ сознательно, между тѣмъ какъ въ природѣ, а пока еще большею частью и въ человѣческой исторіи они проявляются бессознательно, въ формѣ внѣшней необходимости, въ видѣ безконечнаго ряда кажущихся случайностей“ (*Ludw. Feuerbach und der Ausgang etc.*). Къ гносеологической теоріи отображенія и къ материалистической метафизикѣ присоединяется, въ-третьихъ, эмпиризмъ, ограничивающій все наше познаніе предѣлами научнаго опыта. „Формы бытія, внѣшняго міра мысль не можетъ создать изъ себя самой, но выводитъ ихъ только изъ внѣшняго міра... Принципы являются не исходнымъ пунктомъ изслѣдованія, а его конечнымъ результатомъ; они не примѣняются къ природѣ и исторіи человѣчества, но абстрагируются изъ той и другой; не природа и человѣческое царство направляются по принципамъ, но принципы бываютъ правильными лишь постольку, по-

1) Ср. Марксъ въ *Misère de la philosophie*: Tout ce qui existe, tout ce qui vit sur terre et sous l'eau, n'existe, ne vit que par un mouvement quelconque. Ainsi, le mouvement de l'histoire produit les rapports sociaux, le mouvement industriel nous donne les produits industriels etc.

сколькѣ они согласуются съ природою и исторіею. Таково единственно матеріалистическое міровоззрѣніе“ (*H. E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*). Наконецъ, теорію историческаго матеріализма Энгельсъ поставлялъ въ прямую связь съ философскимъ матеріализмомъ. Но его мысли, слабую сторону Фейербаха составляло то, что для него матеріализмъ исчерпывался пошлымъ естественно-научнымъ матеріализмомъ XVIII вѣка, что ему былъ чуждъ историческій взглядъ на природу и діалектическій взглядъ на исторію. Шагъ, котораго не сдѣлалъ Фейербахъ, сдѣлалъ Марксъ: онъ не только восполнилъ діалектическій методъ Гегеля матеріалистическимъ содержаніемъ, но и матеріализмъ, при посредствѣ діалектическаго метода, приложилъ къ объясненію исторіи. „Фейербахъ былъ совершенно правъ въ томъ, что естественно-научный матеріализмъ составляетъ основу въ зданіи человѣческаго знанія, но не самое зданіе. Насъ окружаетъ не одна природа, но и человѣческое общество, которое, какъ и природа, имѣетъ собственную исторію развитія и собственную науку. Дѣло шло, слѣдовательно, о томъ, чтобы согласовать съ матеріалистической основой и заново построить на ней науку объ обществѣ, т. е. совокупность такъ называемыхъ историческихъ и философскихъ наукъ... Разрывъ съ философіею Гегеля произошелъ и здѣсь путемъ возврата къ матеріалистической точкѣ зрѣнія. Это значитъ, что рѣшились смотрѣть на дѣйствительный міръ — на природу и исторію—такъ, какъ онъ представляется всякому, приступающему къ нему безъ предвзятыхъ идеалистическихъ взглядовъ; рѣшились безъ всякаго сожалѣнія пожертвовать идеалистическими взглядами, которые нельзя было согласить съ фактами, взятыми въ ихъ собственной, а не фантастической связи. А въ этомъ и состоитъ матеріализмъ. Лишь въ этомъ направленіи впервые проявилось серьезно матеріалистическое міровоззрѣніе, лишь здѣсь, по крайней мѣрѣ въ общемъ, оно послѣдовательно было приложено ко всему, сюда относящимся, отраслямъ знанія“ (*Ludw. Feuerb.*). И въ исторіи, какъ и въ природѣ „нужно было устранить вымышленную, искусственную связь явленій посредствомъ указанія дѣйствительной связи ихъ, а эта задача сводилась исключительно къ открытію общихъ законовъ движенія, которые господствуютъ въ исторіи человѣческаго общества“ (ib.).

Марксисты ортодоксального лагеря, Каутский, Бебель, Мерингъ ¹⁾, Плехановъ...—откровенные материалисты.

Итакъ, создатели теоріи историческаго материализма и ихъ ортодоксальные ученики связываютъ ее съ материалистическимъ міровоззрѣніемъ. Эта связь дѣлаетъ позицію научнаго социализма крайне слабой. Смѣло можно повторить слова Вирмана: „если марксизмъ стоитъ на почвѣ естественно-научнаго материализма, то онъ опровергнутъ“ ²⁾. Материалистическая гносеология и метафизика считаются въ современной философіи окончательно превзойденной ступенью въ исторіи міровоззрѣній. Въ виду этого входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе философскихъ предпосылокъ историческаго материализма дѣло для насъ излишнее, ein angenehmes, weil überaus einfaches Geschäft, какъ выражается одинъ изъ критиковъ марксизма, тѣмъ болѣе, что Марксъ и Энгельсъ исповѣдуютъ материалистическую философію, усвояютъ ея тезисы въ той вульгарной формѣ, въ которой они носились въ воздухѣ, не привнося въ исторію материализма оригинальнаго изложенія и даже не продумавъ ея догмъ ³⁾.

Однако, нельзя, вслѣдъ за Катрейномъ, сказать, что „вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ необходимость разсмотрѣнія теоріи историческаго материализма“,—нельзя согласиться съ нимъ въ томъ, что „историческій материализмъ поконченъ на материалистическомъ міровоззрѣніи“ не только „по выразительнымъ признаніямъ его основателей и главарей“, но и „по самой своей сущности“. Правда какъ разъ въ обратномъ. Въ исторіи философіи обычное явленіе, что новыя идеи нарождаются въ тѣсномъ психологическомъ окруженіи современныхъ имъ взглядовъ и вѣрованій, не связанныхъ съ ними по существу: дѣломъ критики и оказывается, прежде всего, освободить идею отъ ея психологическихъ ассоціацій, установить ея чистый видъ, ея подлинное содержаніе. Такъ это и есть съ теоріей историческаго материализма. Она родилась въ прочномъ психологическомъ единствѣ съ матеріа-

¹⁾ *Объ историческомъ материализмѣ*: „Историческій материализмъ включаетъ въ себя естественно-научный“.

²⁾ *Die Weltanschauung des Marxismus*.

³⁾ *Erdmann Die philosophischen Voraussetzungen der materialistischen Geschichtsauffassung*.

листической метафизикой, но мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ психологической ассоціаціей, а не съ систематическимъ, не съ логическимъ единствомъ ¹⁾. Что теорія историческаго матеріализма не обуславливается логически материалистической метафизикой, въ этомъ убѣждаетъ существованіе сторонниковъ историческаго матеріализма, вполне чуждыхъ материалистической философіи: таковы, напр., Келлесъ-Краузъ, новокантианцы и ревизионисты, о которыхъ будетъ рѣчь позднѣе. Провести грань между историческимъ матеріализмомъ и материалистической гносеологіей—составляетъ необходимое условіе для правильнаго пониманія и надлежащей оцѣнки историческаго матеріализма. Историческій матеріализмъ нисколько не связанъ логически съ философскимъ матеріализмомъ именно какъ теорія общества, теорія социально-историческаго развитія. Въ этомъ своемъ качествѣ теорія историческаго матеріализма лежитъ въ иной области, чѣмъ та, къ которой относится гносеологическая проблема,— въ иной области, для которой безразлично, какъ рѣшается

¹⁾ Струве: „Генетическая связь экономическаго матеріализма и материалистической метафизики неоспоримо доказывается главой о французскомъ матеріализмѣ въ *Heilige Familie* Маркса. Въ мировоззрѣніи Энгельса материалистическое пониманіе исторіи и материалистическая метафизика составляли прочное психологическое единство. Но ни генетическая связь, ни психологическое единство этихъ ученій у Маркса и Энгельса не обуславливаетъ ихъ систематическаго или логическаго единства“ (*На разные темы*). Эрдманнъ: „Und selbst wenn die ökonomische Geschichtsauffassung zutreffender wäre, als sie hiernach erscheinen muss, würde nach den vorstehenden Erwägungen sicher sein, dass ihr „Einklang mit der materialistischen Voraussetzung“ nicht in dem Sinne hergestellt ist, den Marx und Engels erstrebten. Diese Voraussetzung ist nicht die sachliche Grundlage, aus der die ökonomische Auffassung als Konsequenz abgeleitet werden könnte, als auch nicht das Fundament, auf dem die neue, Geschichtsauffassung „rekonstruiert“ worden ist. Es ist, logisch gesprochen, keine objektive Zusammengehörigkeit, sondern ein subjektives Zusammengehören, das beide Lehren zu einem Inbegriff vereinigt; kein innerer Zusammenhang von Grund und Folge, sondern ein äusserer des Nebeneinanderbestehens. Psychologisch könnten wir sagen: es ist ein assoziativer Zusammenhang... Подобныя же наблюденія и выводы даются у Карьева *Этюды объ историческомъ матеріализмѣ*, Лаппо-Данилевскаго *Методологія исторіи*, Штерна *Экономическій и натуръ-философскій матеріализмъ*, Л. Гартмана *Ueber historische Entwicklung* (*Объ историческомъ развитіи*), М. Адлера *Marx als Denker*, Камифмейера *Zur Kritik der philosophischen Grundlagen des Marxismus* (*Sozial. Monatsh.*), Штампфера и мн. др.

гносеологическая проблема ¹⁾. Что исторический материализм есть теория общества, это значит, что она есть теория исторического развития, что она говорит не о происхождении идей, а об их изменении. Это ясно высказал и Каутский в ст. *Материалистическое понимание истории и психологический фактор*. „Было бы—пишет он в ответъ Б. Баксу—абсурдом утверждать, что данное художественное произведение или данная философская система, рассматриваемая сами по себѣ, являются просто продуктомъ общественныхъ, въ конечномъ счетѣ—экономическихъ отношеній. Но ни одна историческая теорія не ставитъ своей задачей объяснить художественное или философское творчество; она занимается лишь объясненіемъ тѣхъ *измѣненій*, которыя это творчество испытываетъ въ различные періоды. Разумѣется, безъ мыслительной способности нѣтъ и идей. Но развѣ можетъ эта глубокая истина подвинуть насъ хотя бы на одинъ шагъ при изслѣдованіи вопроса, почему идеи XIX вѣка отличаются отъ идей XIII вѣка, которыя въ свою очередь отличаются отъ идей античнаго міра? Нужно страдать полнымъ отсутствіемъ ума, чтобы допустить, что воля и мышленіе людей „опредѣляются всецѣло и исключительно внѣшними, физическими причинами“. Само собою понятно, что въ процессъ выработки идей играетъ роль не только внѣшній міръ, но и человѣческій организмъ. Но развѣ человѣческій организмъ, его способность къ мышленію, къ художественному творчеству и т. д. сколько-нибудь замѣтно измѣнились на протяженіи исторіи? Конечно, нѣтъ. Мыслительная способность какого-нибудь Аристотеля врядъ-ли превзойдена, какъ не превзойдены и художественныя способности древнихъ грековъ. Съ другой стороны, что измѣнилось во внѣшнемъ мірѣ? Природа? Тоже нѣтъ: надъ Греціей сіяетъ то же самое голубое небо, что и въ эпоху Перикла. Измѣнилось только общество, т. е. въ конечномъ счетѣ—экономическія отношенія,—и поскольку въ природѣ и людяхъ происходили измѣненія, они совершались подъ вліяніемъ измѣненій въ экономическихъ отношеніяхъ“...

¹⁾ Помнить, что философія въ области высшей проблемы, духовной, не предопредѣляется рѣшеніями въ элементарной гносеологической сферѣ, что тамъ все пересматривается заново, это составляетъ *conditio sine qua* поп высшей философіи.

Философская критика, въ отличіе отъ близорукой апологетики, должна, независимо отъ своего, положительнаго или отрицательнаго, отношенія къ историческому матеріализму, признать его безотносительность къ вопросу о характерѣ, физическомъ или психологическомъ, историческихъ объектовъ. На этой мысли нѣтъ нужды долго останавливаться лишь потому, что она получила уже прочное обоснованіе въ литературѣ вопроса ¹⁾. Я приведу слова Риккерта: „Фак-

¹⁾ Вопли псечерывающей вопросъ можетъ быть названа ст. Макса Цеттербаума *Къ материалистическому пониманію исторіи*. По его словамъ, въ дѣйствительности никакой логической связи между историческимъ матеріализмомъ и философскимъ матеріализмомъ не существуетъ. Исслѣдованіе имѣетъ тутъ дѣло съ совершенно разнородными элементами, которые нѣрѣдко бываетъ трудно поставить въ какое бы то ни было формальное отношеніе другъ къ другу, хотя бы даже въ отношеніе противоположности. Натуръ-философскій матеріализмъ относится къ области философіи, а философія,—если угодно: чистая философія,—есть тотъ родъ познанія, который стремится изслѣдовать, что въ конечномъ счетѣ составляетъ сущность міра (хотя бы отвѣтъ на этотъ вопросъ получился въ духѣ агностицизма) и какъ осуществляется человѣческій опытъ. Напротивъ, историческій матеріализмъ относится къ области эмпирической науки. Эмпирическая наука, или просто наука, есть тотъ родъ познанія, который въ своихъ изслѣдованіяхъ принимаетъ опытный міръ за данное и изслѣдуетъ только его взаимоотношенія, зависимости и измѣненія. Это именно и дѣлаетъ историческій матеріализмъ, который говоритъ лишь о характерѣ зависимости между существующими историческими явленіями. Онъ представляетъ собою эмпирическую теорію, имѣющую такое же методологическое значеніе для соціальныхъ наукъ, какое, напр., имѣетъ теорія Ламарка-Дарвина для біологій, или теорія тяготѣнія для физики и астрономіи,—и, подобно этимъ теоріямъ, онъ абстрагированъ только отъ спеціальной области изслѣдованія. О сущности бытія онъ говоритъ такъ же мало, какъ эти теоріи, какъ всякая эмпирически-научная теорія вообще. Обѣ теоріи сходятся монистическими. Въ этомъ монизмѣ часто усматриваютъ опорный пунктъ для выставяемаго утвержденія о существованіи между обѣими теоріями внутренней связи. Въ дѣйствительности, однако, монизмъ историческаго матеріализма рѣзко отличается отъ монизма натуръ-философскаго матеріализма, какъ и вообще отъ всякаго рода философскаго монизма. Именно: натуръ-философскій матеріализмъ утверждаетъ, что *два* различныхъ группы явленій, двѣ конкретности, представляютъ въ сущности нѣчто *единое*. Историческому же матеріализму вовсе нѣтъ никакого дѣла до утверждаемаго тождества физическаго и психическаго: онъ всегда беретъ только опытную наличность, и различное въ опытѣ остается различнымъ. Онъ становится именно на дуалистическую точку зрѣнія обычнаго опыта, такъ какъ ему нѣтъ дѣла до философскихъ опредѣленій, онъ говоритъ въ терминахъ опыта

тически материалистическое пониманіе исторіи не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о томъ, физическими или пси-

о „сознаніи“ въ противоположность „бытію“, онъ разсматриваетъ всякую идеологію, какъ самостоятельное, хотя исторически зависящее, образованіе, и онъ хочетъ лишь изъ единого принципа объяснить развитіе различныхъ историческихъ явленій. Его монизмъ, поэтому, означаетъ лишь признаніе основной закономерности во всей области исторіи, различные элементы которой признаются различными, тогда какъ монизмъ натуръ-философскаго материализма признаетъ различными въ опытѣ группы явленій тождественными.—Рѣшающимъ пунктомъ вопроса Цеттербаумъ признаетъ различіе между обѣими теоріями въ объектахъ. Предметомъ философскаго материализма является „матерія“: психическое для него только свойство матеріи, въ основѣ своей тождественное съ матеріальнымъ движеніемъ. Предметомъ же теоріи историческаго материализма является человѣческое общество. Въ послѣднемъ мы различаемъ экономику, формы организаціи, каковы государство, семья и т. д., и, наконецъ, идеологію, каковы мораль, религія и т. д. Сущность общества въ экономическомъ, какъ и въ идеологическомъ отношеніяхъ заключается въ опредѣленной совмѣстной дѣятельности людей. Общество, слѣдовательно, конституируется изъ отношеній, въ которыя люди вступаютъ между собою посредствомъ волевыхъ дѣйствій. Въ эти отношенія люди вступаютъ въ своей цѣлокупности, „съ душой и тѣломъ“,—и дѣятельность ихъ въ такой же мѣрѣ „матеріальна“, какъ и „духовна“. И въ экономикѣ совершенно такъ же, какъ въ идеологіяхъ, такъ называемая „матеріальная“ дѣятельность стоитъ подъ руководствомъ такъ называемой „духовной“ дѣятельности. Но *отношеніе*, въѣдь, никоимъ образомъ не является „матеріей“ въ смыслѣ философскаго материализма, приравнивающего матерію неодушевленному веществу. Вообще, трудно поставить „экономическую структуру“, „матеріальный базисъ“ историческаго материализма въ какое-либо отношеніе къ „матеріи“ философскаго материализма, какъ бы ее ни понимать. И такъ же мало, какъ живыхъ, духовно дѣйствующихъ людей,—можно разсматривать, какъ „матерію“, и тѣ различныя отношенія, въ которыхъ люди дѣйствуютъ, напр., систему крѣпостничества или наемнаго труда,—эти „основныя матеріальныя“ факты нашей теоріи. И это относится не только къ тому, что производить дѣйствіе, но и къ тому, что создается этимъ дѣйствіемъ. Средства производства, какъ машины и т. д., затѣмъ предметы потребленія—скорѣе являются продуктами человѣческаго „духа“, а, съ другой стороны, все идеологическіе продукты, какъ статуи, храмы и т. п., слѣдуетъ, съ точки зрѣнія натуръ-философскаго материализма, разсматривать, какъ матерію. Такимъ образомъ ясно, что не существуетъ никакой общей мѣры, съ помощью которой было-бы вообще возможно сравнивать объекты обѣихъ теорій. Совершенно ясно, что рѣчь идетъ тутъ о кореннымъ образомъ различныхъ объектахъ, способахъ разсмотрѣнія и задачахъ познанія.—Наконецъ, существуетъ различіе между обѣими теоріями и по характеру причинности. Натуръ-философскій материализмъ при-

хическими оказываются историческіе объекты. Даже если бы было вѣрно, что всѣ историческія движенія опредѣляются „матеріальными интересами“, т. е. стремленіемъ къ *тѣмъ* вещамъ, благодаря которымъ сохраняется и поддерживается тѣлесное существованіе, то все-же стремленія, направленные на матеріальныя блага, сами всегда суть волевые акты, слѣдовательно, психическіе процессы, и о нихъ придется трактовать и материалистической исторіографіи“.

Историческій материализмъ и материалистическая діалектика. Основатели марксизма не только старались спаять свою теорію съ философскимъ материализмомъ, но и приписывали себѣ особый методъ—материалистическую діалектику. Марксъ рѣзко критикуетъ идеализмъ Гегеля. „Гегель дѣлаетъ чело-вѣка продуктомъ самосознанія, вмѣсто того, чтобы самосознаніе сдѣлать продуктомъ чело-вѣка, дѣйствительнаго чело-вѣка, т. е. живущаго въ дѣйствительномъ, предметномъ мірѣ и имъ обусловленнаго. Онъ ставитъ міръ на голову и по этой причинѣ уничтожаетъ въ своей головѣ всѣ предѣлы, что имъ, однако, нисколько не мѣшаетъ быть воспринятыми вульгарнымъ чувственнымъ воспріятіемъ дѣйствительнаго чело-вѣка. Вся феноменологія имѣетъ свою цѣлью показать, что самосознаніе есть единственная и всеобщая реальность“. Этому крайнему идеализму Марксъ противопоставилъ радикальный материализмъ, однако онъ хотѣлъ удержать діалектической методъ Гегеля, какъ теорію всеобщаго развитія,— и по этой сторонѣ онъ противопоставлялъ свой материализмъ „механическому“ материализму Фейербаха. „Сущность рели-

знаетъ, что мозгъ, „матеріальное“, создаетъ дѣятельность сознанія, которое само по себѣ лишено содержанія, получая его только отъ внѣшняго міра. Историческій же материализмъ утверждаетъ, что экономка опредѣляетъ идеологическую надстройку, составляющую историческое содержаніе сознанія. При этомъ, какъ уже отмѣчено, и въ сферѣ экономки и въ сферѣ идеологіи принимается за данное предполагаемая дѣятельность мозга, — психическое, какъ естественно-психологическій фактъ,— существованіе людей, одаренныхъ сознаніемъ и сознательно дѣйствующихъ...

См. также *Что такое экономическій материализмъ* Келлеса-Крауза.

Возраженія противъ теоріи историческаго материализма, опирающіяся на психологическій характеръ экономическаго фактора (см. напр. Миллюковъ *Очерки по исторіи русской культуры*) оказываются просто недора-зумѣніемъ.

гій Фейербахъ сводить къ сущности человѣка. Но сущность человѣка это вовсе не абстрактъ, свойственный отдѣльному индивидууму. Въ своей дѣйствительности это есть совокупность общественныхъ отношеній. Фейербахъ не доходитъ до критики этой дѣйствительной сущности, поэтому онъ оказывается вынужденнымъ отрѣшиться отъ историческаго развитія, разсматривать религіозное чувство, какъ существующее независимо, и исходить изъ предположенія абстрактнаго, изолированнаго, человѣческаго индивидуума. Поэтому человѣческая сущность могла представляться ему лишь, какъ „родъ“, какъ внутренняя, нѣмая общность, устанавливающая лишь *природную* связь между индивидуумами. Поэтому Фейербахъ не видитъ, что „религіозное чувство“ само есть *общественный продуктъ*, и что анализируемый имъ абстрактный индивидуумъ въ дѣйствительности принадлежитъ къ опредѣленной формѣ общества“. Усвоивъ матеріализмъ Фейербаха, Марксъ остается ученикомъ Гегеля по діалектическому методу, но это уже не идеалистическая діалектика, а материалистическая, такъ что методъ Гегеля оказывается опрокинутымъ и поставленнымъ на ноги. „Я—пишетъ о себѣ Марксъ въ предисловіи ко второму изданію перваго тома *Капитала*—открыто призналъ себя ученикомъ этого великаго мыслителя и кокетничалъ даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ главы о теоріи цѣнности, прибѣгая къ своеобразной гегелевской манерѣ выражаться. Мистификація, которую испытываетъ діалектика въ рукахъ Гегеля, нисколько не устраняетъ того, что онъ впервые всесторонне и сознательно раскрылъ общія формы ея движенія. Она стоитъ у него вверхъ ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы найти раціональное зерно въ мистической оболочкѣ“. По своей материалистической тенденціи діалектической методъ Маркса оказывается противоположностью методу Гегеля, діалектикой материалистической. „Мой діалектической методъ въ своемъ основаніи не только отличается отъ гегелевскаго, но даже составляетъ прямую его противоположность. Для Гегеля процессъ мысли, который онъ, подъ именемъ идеи, превращаетъ даже въ нѣчто самостоятельное, является деміургомъ дѣйствительности, представляющей лишь вышнее его обнаруженіе. Для меня же идеальное начало является, наоборотъ, лишь прошедшимъ черезъ человѣческой мозгъ матеріальнымъ началомъ“. Энгельсъ

въ *Ludw. Feuerbach*'ѣ останавливается на методѣ Маркса. Въ отличіе отъ механическаго матеріализма Фейербаха, Маркс принадлежалъ къ числу тѣхъ матеріалистовъ, которые воспользовались „революціонной стороной“ философіи Гегеля, его діалектическимъ методомъ. „Но этотъ методъ былъ непримѣнимъ въ той формѣ, какую онъ имѣлъ у Гегеля. У него діалектика есть саморазвитіе понятія. Абсолютное понятіе не только существуетъ — неизвѣстно, гдѣ — отъ вѣчности, но и составляетъ подлинную животворную душу всего существующаго міра. Оно развивается само до себя, проходя всѣ тѣ ступени, которыя подробно разсматриваются въ „Логикѣ“ и которыя всѣ заключаются въ немъ самомъ; затѣмъ оно отчуждается отъ себя, превращаясь въ природу, гдѣ оно снова развивается, уже безсознательно, принявъ видъ естественной необходимости, но въ человѣкѣ опять приходитъ къ самосознанію; въ исторіи это самосознаніе вырабатывается снова отъ низшихъ ступеней, пока наконецъ абсолютное понятіе не возвращается окончательно къ самому себѣ въ гегелевской философіи. У Гегеля, слѣдовательно, обнаруживающееся въ природѣ и исторіи діалектическое развитіе, т. е. причинная связь того поступательнаго движенія, которое, несмотря на всѣ отклоненія въ сторону и понятные шаги, пробивается отъ низшаго къ высшему,— развитіе это является у него простымъ снимкомъ съ поступательнаго движенія понятія, совершающагося, отъ вѣчности и произвольно, неизвѣстно гдѣ и во всякомъ случаѣ независимо отъ человѣческаго мозга. Надо было устранить это идеологическое извращеніе. Вернувшись къ матеріалистической точкѣ зрѣнія, мы увидѣли въ человѣческихъ понятіяхъ отображенія дѣйствительныхъ вещей, вмѣсто того, чтобы въ дѣйствительныхъ вещахъ видѣть отображенія той или другой ступени абсолютнаго понятія. Діалектика сводилась этимъ къ наукѣ объ общихъ законахъ движенія во внѣшнемъ мірѣ и въ человѣческой мысли—два ряда законовъ, которые въ сущности тождественны, а по видимости различны, такъ какъ человѣческая голова можетъ примѣнять ихъ сознательно, между тѣмъ какъ въ природѣ, а пока еще большею частью и въ человѣческой исторіи—они проявляются безсознательно, въ формѣ внѣшней необходимости, въ видѣ безконечнаго ряда кажущихся случайностей. Но

вслѣдствіе этого діалектика понятій сама становилась лишь сознательнымъ отраженіемъ діалектическаго движенія дѣйствительнаго міра, и, такимъ образомъ, гегелевская діалектика была перевернута на голову, а лучше сказать—на ноги, такъ какъ на головѣ стояла она прежде. Но вмѣстѣ съ тѣмъ революціонная сторона гегелевской философіи и снова выступила и, одновременно, была освобождена отъ того идеологическаго убора, который у Гегеля затруднялъ ея послѣдовательное проведеніе. Великая основная мысль о томъ, что міръ нужно понимать не какъ совокупность законченныхъ *предметовъ*, а какъ совокупность *процессовъ*, въ которой предметы, кажущіеся неизмѣнными, находятся, какъ и ихъ мысленныя отображенія въ головѣ, понятія, въ непрерывномъ измѣненіи, то возникая, то уничтожаясь, при чемъ, несмотря на всю видимую случайность и на всѣ попятные шаги, въ послѣднемъ итогѣ достигается прогрессивное развитіе,—эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла въ общее сознаніе, что едва-ли кто-нибудь станетъ оспаривать ее въ ея общемъ видѣ“.

Такъ Марксъ и Энгельсъ сами называютъ свой методъ матеріалистической діалектикой. И однако можно рѣшительно утверждать, что ихъ претензіи на такой методъ были безпочвенны. Даже такое сочетаніе понятій, какъ матеріалистическая діалектика, представляетъ собою явную нелѣпность. Діалектика у Гегеля обозначаетъ имманентный законъ развитія идеи. Къ этому у него добавляется метафизическій идеализмъ: всю дѣйствительность онъ понимаетъ, какъ самообнаруженіе абсолютной идеи. Онъ отождествляетъ основанія бытія съ основаніями мышленія. И все-же діалектика у него не что иное, какъ имманентное правило развитія идеи. Онъ ограничивалъ развитіе лишь идей, въ развитіи понятія полагалъ и развитіе природы, не признавалъ реальнаго развитія природы въ пространствѣ и времени. Объ этомъ Гегель ясно говоритъ въ § 249 *Энциклопедіи*. Поэтому діалектика не можетъ быть имманентнымъ закономъ реальнаго развитія природы. И если Энгельсъ въ Анти-Дюрингѣ старается доказать противное, если онъ старается доказать, что діалектика—отрицаніе отрицанія—есть „самый общій и, именно потому, наиболѣе широко дѣйствующій и важный законъ развитія природы, исторіи и мышленія, законъ, ко-

торный проявляется въ царствѣ животномъ и растительномъ, въ геологіи, въ математикѣ, въ исторіи, въ философіи“, то онъ обнаруживаетъ этимъ „смѣшеніе діалектики съ ученіемъ о естественномъ развитіи“¹⁾. Уже авторъ рецензіи о *Капиталѣ*, помѣщенной въ *Вѣстникъ Европы* 1872 и одобренной Марксомъ въ предисловіи ко второму изданію 1 т. *Капитала*,—вѣрно замѣчаетъ: „Съ виду, если судить по внѣшней формѣ изложенія, Марксъ большой идеалистъ-философъ и притомъ въ „нѣмецкомъ“, т. е. въ дурномъ значеніи этого слова. На самомъ же дѣлѣ онъ бесконечно болѣе реалистъ, чѣмъ всѣ его предшественники въ дѣлѣ экономической критики... Для него важно только одно: найти законъ тѣхъ явленій, изслѣдованіемъ которыхъ онъ занимается... Для него сверхъ того еще важенъ законъ ихъ *измѣняемости*, ихъ развитія, т. е. перехода отъ одной формы къ другой, отъ одного порядка взаимоотношеній къ другому“. Приведа обширныя выдержки изъ этой рецензіи, Марксъ неожиданно заявляетъ: „вѣдь это не что иное, какъ діалектическій методъ“, но непосредственно далѣе дѣлаетъ различіе между методомъ изслѣдованія и методомъ изложенія. „Правда, способъ изложенія долженъ формально отличаться отъ способа изслѣдованія. Изслѣдованіе должно усвоить себѣ предметъ въ деталяхъ, проанализировать различныя формы его развитія и найти ихъ внутреннюю связь. Только тогда, когда этотъ трудъ законченъ, можетъ быть соответствующимъ образомъ изображено дѣйствительное движеніе. Если это удастся и если въ построеніи идеально отразится жизнь предмета, то можетъ показаться, что предъ нами апріорная конструкція“. У Маркса реалистическій методъ изслѣдованія²⁾, и лишь въ изложеніи онъ кокетничалъ діалек-

1) Вольгманъ, также Я. Берманъ *Диалектика въ свѣтѣ современной теории познанія*.

2) „Размышленіе о формахъ человѣческой жизни,—значитъ, также и научный анализъ ихъ,—идеть по пути прямо противоположному ихъ дѣйствительному развитію. Онъ начинается *post festum*, имѣя, стало быть, предъ собою готовые результаты процесса развитія“ (*Капиталъ* I). „Физикъ либо наблюдаетъ процессы природы тамъ, гдѣ они проявляются въ наиболѣе ясно выраженной формѣ и наименѣе затемненные посторонними вліяніями, либо дѣлаетъ опыты при такихъ условіяхъ, которыя обезпечиваютъ ходъ процесса въ чистомъ его видѣ. Въ этомъ сочиненіи я задался цѣлью изслѣдовать капиталистическій способъ производства

тикой ¹⁾. Марксъ считалъ свой методъ перевернутымъ методомъ Гегеля лишь потому, что методъ онъ смѣшивалъ съ содержаніемъ и подъ противоположностью подразумѣвалъ противоположность матеріализма идеализму.

Въ литературѣ послѣднихъ дней нѣтъ разногласій по вопросу объ отношеніи теоріи историческаго матеріализма къ діалектическому методу. Вѣрныя замѣчанія дѣлаеть проф. Вилперъ ²⁾. „Очень трудно было бы согласиться съ тѣмъ, что Марксу понадобился искусственный свѣтъ абстрактной діалектической схемы для того, чтобы разобраться въ дѣйствительности. Можно быть увѣреннымъ, что его собственная роль гораздо оригинальнѣе, что онъ съ самаго начала читалъ въ книгѣ дѣйствительности и отъ нея отвлекъ свою формулу, которую лишь позднѣе сличилъ и сблизилъ съ гегелевской. Въ этомъ насъ убѣждаетъ знакомство съ историческимъ матеріаломъ, заключеннымъ въ *Капиталъ*. Онъ весь состоитъ изъ примѣровъ, относящихся къ исторіи Англии... И мы должны сказать, вопреки признанію самого Маркса, что не гегелевскія схемы были имъ переведены на реальный языкъ, а, напротивъ, реальная дѣйствительность Англии переведена на языкъ абстракцій, который близко совпадалъ съ отвлеченнымъ языкомъ Гегеля“ ³⁾.

и соответствующія ему отношенія производства и обмѣна. Классической страной его до сихъ поръ является Англія. Вотъ почему, главнымъ образомъ, изъ Англіи я беру иллюстраціи къ моимъ теоретическимъ положеніямъ“. (Предисловіе къ 1 изд. 1 т. *Капитала*).

¹⁾ Въ той же рецензіи: „Читатель можетъ быть введенъ въ заблужденіе методомъ изложенія (а не изслѣдованія) Маркса. Это—изложение діалектическое, которое яко-бы строго вытекаетъ изъ одной идеи, но на самомъ дѣлѣ всегда должно возвращаться къ явленіямъ“.

²⁾ *Очерки теоріи историческаго познанія*.

³⁾ Подобные отзывы даютъ Вейзенгрунъ *Verschiedene Geschichtsauffassungen*, Бернштейнъ *Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgabe der Socialdemokratie* (Was Marx und Engels Grosses geleistet haben, haben sie nicht vermöge der Hegelschen Dialektik, sondern trotz ihrer geleistet), Макензи *An introduction to social philosophy* (How little would the doctrines of Proudhon or of Karl Marx be affected by the withdrawal of the Hegelian dialectic!), Масарикъ *Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus* („Матеріалистическая діалектика есть *contradictio in adjecto*“), Булгаковъ *Два града* („У Маркса вовсе нѣтъ никакого особаго діалектическаго метода, который онъ самъ у себя предполагаетъ, притомъ нѣкогда, чѣмъ у Гегеля“), Ф. Адлеръ *Диалектической матеріализмъ и эмпириокритицизмъ* и др.

Теорія историческаго матеріализма опирается не на гегелевскую діалектику и не падаетъ вмѣстѣ съ послѣдней, однако кокетничаніе съ діалектикой дорого обошлось Марксу: многіе выводы въ его ученіи съ общимъ характеромъ внесенія абсолютности въ условные соціологическіе тезисы обязаны злоупотребленію діалектической игрой ¹⁾.

Здѣсь же можно упомянуть и объ отношеніи теоріи историческаго матеріализма къ дарвинизму, который также можно включить въ число ассоціацій, осложнившихъ генезисъ историческаго матеріализма. Есть основаніе разсмотрѣть этотъ вопросъ въ отдѣлѣ о матеріалистической діалектикѣ. Нужно различать отношеніе Маркса собственно къ дарвинизму и его собственный эволюціонизмъ. Когда появилась біологическая теорія Дарвина (и Спенсера), Марксъ и Энгельсъ успѣли утвердить свое ученіе на ней; однако соціологическая теорія Маркса и Энгельса появилась раньше біологической теоріи Дарвина, который, къ тому же, самъ не примѣнялъ своей теоріи къ соціальной жизни ²⁾. Да и позиція ихъ въ отношеніи къ дарвинизму, выразившаяся въ двухъ-трехъ отрывочныхъ ссылкахъ, осталась крайне невыясненной, ибо не ясно даже то, считали ли они дарвинизмъ пригоднымъ лишь для объясненія историческаго развитія, преимущественно—темныхъ сторонъ его, или же находили возможнымъ строить въ его духѣ программу соціальной организаціи. Вполнѣ вѣрны слова Вольтманна, что Марксъ „не продумалъ до конца проблему объ отношеніи животнаго развитія къ человѣческому“. Упомянутыя эти ссылки заслуживаютъ только потому, что съ нихъ начинается обширнѣйшая литература вопроса объ отношеніи социализма къ дарвинизму ³⁾. Эволюціонизмъ Маркса нужно объяснять

¹⁾ „Относительно телеологическихъ и фаталистическихъ недоразумѣній слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторая часть ответственности ложится на самого Маркса, который, какъ онъ самъ заявляетъ, любилъ кокетничать съ гегельянскою терминологіей: опасное оружіе, съ которымъ лучше было бы не шутить“ (Кроче).

²⁾ Наиболѣе яркое примѣненіе къ соціологіи принциповъ борьбы за существованіе нашель у Гумпловича: *Основы соціологіи* и др. его соч.

³⁾ Специальная литература по вопросу объ отношеніи социализма къ дарвинизму распадается на три направленія: а) дарвинисты, которые не принимаютъ социализма, б) социалисты, отвергающіе принципы дарвинизма въ соціологіи и в) авторы, стремящіеся объединить дарвинизмъ и

не влияніемъ Дарвина, а влияніемъ Гегеля. Что онъ ввелъ идею эволюціи въ свои изслѣдованія, это нужно отнести на счетъ его собственнаго реалистическаго мышленія, хотя, вѣроятно, въ этомъ случаѣ сыграла значительную роль и философія Гегеля; но что онъ не остановился на идеѣ эволюціи, а преобразилъ ее въ эволюціонизмъ, въ этомъ виновато, несомнѣнно, кокетничанье съ гегелевскою діалектикою. Это удачно формулировано Б. А. Кистяковскимъ въ кн. *Соціальноныя науки и право*. „Нельзя во всемъ обвинять діалектическій методъ, котораго большинство марксистовъ теперь даже не понимаетъ и не признаетъ. Гораздо большее значеніе имѣетъ цѣлое направленіе въ мышленіи, которому гегельянство въ свое время проложило путь въ эмпирическія науки, и которое теперь всецѣло его вытѣснило. Въ противорѣчіяхъ ортодоксальнаго марксизма столько же виновата гегелевская діалектика, сколько и современная теорія эволюціонизма. Неограниченное примѣненіе эволюціоннаго принципа позволяетъ сторонникамъ ортодоксальнаго марксизма незамѣтно обходить всѣ противорѣчія, заключенныя въ ихъ теоріяхъ. Ошибка марксистовъ состоитъ въ томъ, что они, *придя къ эволюціонизму путемъ діалектическаго метода, считаютъ, что и эволюціонизмъ есть методъ*. Придерживаясь эволюціонизма, т. е. слѣдя за развитіемъ вещей и явленій, марксисты хотятъ объяснить весь соціальныи процессъ этимъ, по ихъ мнѣнію, методологическимъ принципомъ, между тѣмъ какъ теорія эволюціи вообще и развитія въ частности сами по себѣ ничего не могутъ объяснить“.

Историческій матеріализмъ, какъ соціальная теорія. Не обращаютъ обычно достаточнаго вниманія на то, что историческій матеріализмъ есть не что иное, какъ соціальная теорія, теорія общества въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова,

соціализмъ. Изъ послѣднихъ болѣе другихъ извѣстнъ Вольтманнъ, который въ книгѣ *Система моральнаго сознанія въ связи съ отношеніемъ критической философіи къ дарвинизму и соціализму* примыкаетъ квантизмъ съ соціализмомъ и дарвинизмомъ. Ему принадлежитъ также *Теорія Дарвина и соціализмъ*, гдѣ дѣлается обзоръ литературы вопроса. Съ своей стороны назовемъ: Л. Бюхнеръ *Дарвинизмъ и соціализмъ, или борьба за существованіе и человѣческое общество*, Лорія *Соціализмъ и соціальный дарвинизмъ*, Эвелингъ *Ч. Дарвинъ и К. Марксъ (параллель)*, Ферри *Эврикко Коллективизмъ и позитивная наука. Дарвинъ, Спенсеръ, Марксъ*, Headley *Darwinism and modern socialism*.

что лишь въ этихъ предѣлахъ можетъ правомѣрно обнаруживаться экономическое объясненіе права, политики, религіи, нравственности, вообще идеологіи. Какъ только совершается неосторожный или намѣренный выходъ за эти предѣлы, неизбежно возникаетъ безысходная путаница.

Прочитаемъ внимательно приведенныя выше мѣста изъ сочиненій Маркса и Энгельса, раскрывающія идею историческаго матеріализма. „Совокупность производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія“. И далѣе: „господствующія идеи данной эпохи“, „идеи, революціонизирующія все общество“, „общественное сознаніе всегда вращалось въ извѣстныхъ общихъ формахъ“. Вотъ о чемъ говоритъ теорія историческаго матеріализма—о формахъ общественнаго сознанія, объ общественной идеологіи: это разъ навсегда нужно запомнить. Въ этомъ основная мысль историческаго матеріализма.

Въ подтвержденіе этого положенія можно указать и на другія мѣста изъ сочиненій Маркса и Энгельса. Такъ въ *Der 18 Brumaire des Louis Bonaparte 1852* (18-е Брюмера Луи Бонапарта) Марксъ пишетъ: „Надъ разнообразными формами собственности, надъ социальными условіями существованія всегда воздвигается цѣлая надстройка изъ разнообразныхъ и своеобразныхъ чувствъ, иллюзіи, доктринъ и міровоззрѣній. Цѣлый классъ, въ своей совокупности, создаетъ и формируетъ весь этотъ строй идей изъ элементовъ своей матеріальной основы и изъ соответствующихъ общественныхъ отношеній. Отдѣльная личность, къ которой всѣ эти иллюзіи, чувства, міровоззрѣнія и пр. приходятъ въ силу традиціи и воспитанія, можетъ, конечно, вообразить себѣ, будто они-то и составляютъ настоящій мотивъ и исходный пунктъ ея дѣйствій“.

То же можно читать въ *Lohnarbeit und Kapital* (Наемный трудъ и капиталъ). „Общественныя отношенія, въ предѣлахъ которыхъ производятъ индивидуумы, т. е. общественныя отношенія производства, измѣняются, превращаются вмѣстѣ съ измѣненіемъ и развитіемъ матеріальныхъ средствъ производства, т. е. силъ производства. Отношенія производства

въ совокупности составляютъ то, что называютъ общественными отношеніями, обществомъ, и образуютъ общество, стоящее на опредѣленной исторической ступени развитія и съ своеобразнымъ индивидуальнымъ характеромъ. Античное общество, феодальное, буржуазное представляютъ собою такія совокупности производственныхъ отношеній, изъ которыхъ каждое отмѣчаетъ въ исторіи особую ступень развитія“.

Марксъ умѣетъ проводить ясное различіе между соціальной стороной личной жизни и ея интимной стороной. Въ предисловіи къ первому изданію 1 тома *Капитала* онъ пишетъ: „Въ моемъ изложеніи о личностяхъ дѣло идетъ лишь постольку, поскольку онѣ являются олицетвореніемъ экономическихъ категорій, носителями извѣстныхъ классовыхъ отношеній и интересовъ. Моя точка зрѣнія, разсматривающая развитіе общественно-экономическихъ формацій, какъ естественно-историческій процессъ, менѣе, чѣмъ какая-либо другая, можетъ дѣлать отдѣльную личность отвѣтственной за отношенія, соціальнымъ созданіемъ которыхъ она является, какъ бы ни возвышалась она субъективно надъ этими отношеніями“. Вольманнъ въ *Историческомъ материализмѣ* вѣрно замѣчаетъ: „но Марксу люди могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ: какъ олицетвореніе экономическихъ категорій и какъ личности, независимыя отъ своего экономического классоваго положенія. Если въ соціальномъ смыслѣ человѣкъ и является продуктомъ классоваго положенія, то субъективно все-таки онъ можетъ возвышаться надъ нимъ. Итакъ, если разсматривать всего человѣка, то онъ можетъ въ нѣкоторыхъ поступкахъ возвышаться надъ хозяйственными мотивами какъ личныхъ, такъ и классовыхъ интересовъ, тогда какъ въ своихъ хозяйственныхъ функціяхъ онъ продолжаетъ руководствоваться исключительно хозяйственными отношеніями и интересами“¹⁾.

Энгельсъ также высказываетъ основную мысль историческаго материализма въ достаточно опредѣленной формѣ. Такъ въ *Ludw. Feuerbach* онъ пишетъ: „Когда идетъ рѣчь объ изслѣдованіи движущихъ силъ (die treibenden Mächte),

¹⁾ Ср. Контъ въ *Cours de philosophie positive* t. IV: Chacun de modes fondamentaux de l'existence sociale détermine un certain système de moeurs co-relatives, dont la physionomie commune se trouve aisément chez tous les individus, au milieu différences caractéristiques.

отъ которыхъ — сознательно или, какъ бываетъ наиболѣе часто, безсознательно—зависѣли побужденія историческихъ дѣятелей и которыя были, поэтому, подлинными, послѣдними причинами (Triebkräfte) историческихъ событій, то имѣются въ виду не столько побужденія отдѣльныхъ лицъ, хотя бы и самыхъ замѣчательныхъ, сколько тѣ побужденія, которыя приводятъ въ движеніе большія массы, цѣлые народы или цѣлые классы даннаго народа (welche grosse Massen, ganze Völker und in jedem Volk wieder ganze Volksklassen in Bewegung setzen“).

Плехановъ, который понимаетъ „кое-что“ въ марксизмѣ и умѣетъ быть послѣдовательнымъ, даетъ великолѣпную формулу историческаго матеріализма: „не общественное сознание опредѣляетъ собою общественное бытіе, а наоборотъ: общественное бытіе опредѣляетъ собою общественное сознание“. Еще: „Не психика общественнаго человѣка опредѣляетъ собою складъ его жизни, а складъ его жизни опредѣляетъ собою его психику“. „Марксисты считаютъ, что развитие нравственности общественнаго человѣка обусловливается развитиемъ общественныхъ отношеній, которое, въ свою очередь, опредѣляется развитиемъ производительныхъ силъ“. „Развитіе сознанія обусловливается нуждами бытія. Приложите это замѣчаніе къ объясненію развитія общественной мысли, и у васъ получится теорія историческаго матеріализма“¹⁾.

Вотъ о чемъ говорить теорія историческаго матеріализма: о зависимости общественнаго сознанія отъ социальна-экономическихъ отношеній,—и только²⁾.

Марксизму не чужда мысль о томъ, что отдѣльныя личности могутъ освободиться отъ давленія господствующихъ идей, отталкиваться отъ класса, къ которому принадлежатъ. Эта мысль проглядываетъ уже въ заявленіи Коммунистическаго манифеста, что „буржуазные идеологи, которымъ удалось дойти до теоретическаго пониманія общаго хода исто-

¹⁾ Отъ обороны къ нападенію. Ср. также Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. И однако, защищая философскій матеріализмъ, Плехановъ, какъ и другіе марксисты, говоритъ другимъ языкомъ („не сознание опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе сознаніе“) также и въ предисловіи къ книгѣ Деборяна Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма.

²⁾ Это совсѣмъ не то, что матеріалистическій тезисъ Фейербаха.

рическаго развитія, примыкають къ пролетариату“¹⁾. Каутский въ *Bernstein und das socialdemokratische Programm* пишетъ: „Интеллигенція есть общественный слой, который всего легче приходитъ къ тому, чтобы возвыситься надъ классовой и сословной ограниченностью, проникнуться идеалистическими порывами и явиться выразителемъ не временныхъ и обособленныхъ интересовъ, а постоянныхъ интересовъ всего общества въ его совокупности“²⁾. Зомбартъ не спорить противъ того, что личности могутъ быть человѣколюбивы, сострадательны, могутъ подниматься выше классовыхъ интересовъ,—и вообще, по его словамъ, о мотивахъ личности нельзя спорить, здѣсь нѣтъ мѣста научнымъ доказательствамъ, такъ какъ „последнія основанія рѣшеній отдѣльнаго человѣка таятся въ глубинѣ его личнаго убѣжденія“. Но классъ никогда по альтруистическимъ мотивамъ не откажется отъ своихъ привилегій. „Пусть мнѣ укажутъ хотя бы единственный, заслуживающій вниманія, фактъ въ исторіи, когда социальный классъ, вопреки его собственнымъ интересамъ, изъ альтруистическихъ побужденій склонился бы къ существенно важнымъ уступкамъ. Единственныя выдающіяся личности—несомнѣнно. Почему же нѣтъ? Мы это наблюдаемъ ежедневно; но цѣлый классъ никогда“³⁾.

М. Гарьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Хотя въ своихъ замѣткахъ о Фейербахѣ, приведенныхъ въ книгѣ Энгельса, Марксъ высказывается противъ „раздѣленія общества на двѣ части, изъ которыхъ одна стоитъ надъ обществомъ“.

²⁾ См. его же *Die Klassegegensätze von 1789*.

³⁾ Токвиль *Старый порядокъ и революція*, указывая дурныя стороны „дворянчиковъ“, которыхъ народъ остроумно называлъ „перенелютниками“, пишетъ: „Безъ сомнѣнія, мнѣ могутъ указать на отдѣльныя личности, но я говорю о цѣлыхъ сословіяхъ, имъ однимъ открыта исторія. Что въ это время было много богатыхъ собственниковъ, которые, безъ припущенія съ внѣшней стороны, заботились о благосостояніи крестьянъ, этого никто не отрицаетъ“.

Та же мысль высказывается у Бастиа *Cobden et la ligue*, Милля *Основанія политической экономіи*. Р. Гиро *Etudes économiques sur l'antiquité*, Лориа *Les bases économiques de la constitution social (La teoria economica della costituzione politica)* и др.